

*ОСОВСКИЙ Олег Ефимович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск, Республика Мордовия). Автор более 700 научных публикаций**

ЗА ПРЕДЕЛАМИ «МАЛЕНЬКОГО МИРКА»: М.М. БАХТИН И СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ТЕОРИЯ¹

Цель статьи – представить обзор рецепции ключевых идей и понятий М.М. Бахтина западной «теорией» второй половины 1960-х – 2010-х годов, охарактеризовать особенности этого процесса и его влияние на состояние гуманитарных наук в целом и литературоведения в частности. Важнейшим инструментом предлагаемого анализа становится бахтинское понятие «большое время», в контексте которого вслед за мыслителем возможно сформировать канонический ряд имен и идей, обеспечивающий универсализацию ценностных смыслов литературы и культуры на всем протяжении их исторического развития. В работе отмечается важность видения в «большом времени» не только этапов рецепции бахтинского наследия и особенностей его освоения западной гуманитаристикой, но и ключевых идей самого Бахтина. В своих поздних записях мыслитель подчеркивал сложный характер развития современного литературоведения в общем контексте истории культуры. Исходя из понимания масштаба истории литературы и культуры как «большого времени», что в значительной степени было подготовлено «Исторической поэтикой» А.Н. Веселовского, М.М. Бахтин указывал на необходимость преодоления границ «малого мирка», которые были созданы литературоведением XIX века, и на отсутствие проблемности в современной науке о литературе. Начало освоения бахтинских идей западной «теорией» не только совпало с кризисом структурализма, но и обеспечило преодоление его последствий с помощью «антропоцентрического» вектора бахтинской теории. Работы Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, Р. Уэллека, М. Холквиста, К. Кларк, К. Эмерсон, Г.С. Морсона и других исследователей представляют западному читателю эволюцию восприятия самого Бахтина: первоначально как автора новаторских книг о Достоевском и Рабле, затем как крупнейшего теоретика литературы и оригинального философа языка и, наконец, как создателя одной из наиболее значительных философско-эстетических концепций XX века.

Ключевые слова: *М.М. Бахтин, западная «теория», западная гуманитаристика, интеллектуальная революция, «большое время», полифония, карнавальность.*

¹Статья опубликована при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00341 А).

*Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Для цитирования: Осовский О.Е. За пределами «маленького мирка»: М.М. Бахтин и современная западная теория // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 53–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.53

В рабочих записях 1960-х – начала 1970-х годов выдающийся мыслитель М.М. Бахтин, определяя сложный характер развития современного литературоведения в общем контексте проблем истории культуры, последовательно подходя к идее «большого времени», писал: «Связь литературоведения с историей культуры (культуры не как суммы явлений, а как целостности). В этом сила Веселовского (семиотика) <...> Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса. Из необозримого мира литературы наука (и культурное сознание) 19-го века выделила лишь маленький мирок...»².

Характерная для ученого глубина научной саморефлексии и поразительное понимание существенных проблем и болевых точек гуманитарной науки во многом объясняют ту роль, которую идеи Бахтина играют в современном мире. Они не просто вошли в арсенал социальных и общественных наук второй половины XX – начала XXI века, но во многом обозначили тенденции их развития. Широкий набор дисциплин – от собственно филологии и философии до психологии и педагогики, социологии и теории управления – в последние десятилетия получил своеобразную «бахтинскую прививку», а отсылка к идеям ученого, разрабатывавшимся им понятиям, категориям и подходам становится не только свидетельством хорошего тона, но, пожалуй, и общим требованием к работам современных исследователей.

Однако кажущаяся понятность наиболее расхожих терминов Бахтина никак не вяжется с реальной необходимостью углубленного изучения наследия мыслителя, завершение издания собрания сочинений которого в России и сопровождавшая этот долгий процесс научная и научно-критическая реакция лишь подтвердили важность выработки принципиально новых подходов в бахтиноведении и сопряженных с ним дисциплинах, обозначили если не потребность

в своего рода чистом листе, то как минимум в трезвом и решительном анализе достижений и промахов предшествующих этапов и формулировании четкой программы дальнейших действий³.

С этой точки зрения важно определить механизмы взаимодействия теории Бахтина, отдельных его терминов и понятий с гуманитарным сознанием Запада, этапы и характер процесса их рецепции прежде всего англоязычной гуманитаристикой, отражение ее последствий в современном научном дискурсе. Отчасти подобные попытки предпринимались автором статьи в 1990–2000-е годы [1, 2], но ситуация сегодняшнего дня, заметное расширение объема бахтинских штудий, трансформация характера рецепции и возникновение новых интеллектуальных вызовов, требующих новых ответов, в т. ч. и с опорой на бахтинские идеи, дают основания для дальнейшего погружения в эту проблему, частью которого становится сюжет, предложенный в настоящей статье.

Цель ее проста: через одно из ключевых понятий позднего Бахтина – «большое время» – выявить характер освоения элементов бахтинской терминологии западной теорией и проанализировать вытекающие из этого изменения научных подходов и методов. Нельзя с окончательной уверенностью сказать, почему именно Бахтин, а не кто-то из его гораздо более именитых в 1920–1930-е годы современников оказался в центре внимания западной гуманитаристики, ищущей выход из структуралистского кризиса 1960-х, в чем причина сохранения «бахтинской актуальности» в эпоху постструктурализма. И дело не столько в «вызывающе неточном» (М.Л. Гаспаров) характере бахтинского научного языка, сколько в его универсальности и уникальной методологической приемлемости в условиях сдвига междисциплинарных границ.

²Бахтин М.М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Яз. славян. культуры, 2006. Т. 6. С. 399.

³Осовский О.Е. [Рец.:] Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Рус. слов.; Яз. славян. культуры, 1996–2012 // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. 2015. № 2. С. 61–67.

«Большое время», введенное Бахтиным как важнейшая категория глобальной истории и философии культуры, оказывается существенно важным инструментом для понимания того, что происходит в ситуации кардинальной смены научных парадигм, определяющей, по точному наблюдению В.Л. Махлина, характер эволюции гуманитарно-философского сознания конца XIX – начала XXI века [3]. Не случайно публичная презентация понятия «большое время» происходит в известном ответе Бахтина на вопрос редакции «Нового мира». Мыслитель фактически формулирует собственный принцип «большого канона», т. е. того историко-литературного/историко-культурного ряда, присутствие которого в современном культурном пространстве обеспечивает преемственность культурных смыслов.

Здесь возникает еще один существенный момент: много и вдумчиво размышляя о современности, Бахтин фактически выносит ей приговор, указывая на ее неспособность до конца понять происходящее вокруг, и только «большое время», по его убеждению, способно сохранить и обеспечить и стабильность культурных смыслов, и их приращение и расширение в новых условиях. «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности»⁴, – поясняет он. Мы видим, как Бахтин вносит радикальные изменения в последовательную схему развития историко-культурного процесса. «Большие имена» (Гомер, Данте, Рабле, Шекспир, Гете, Пушкин, Гоголь, Достоевский) – часть «большой истории» того пути литературно-художественных и эстетических открытий, на котором вырастают новые литературные формы, в т. ч. и полифонический роман. Этот радикальный теоретический разворот традиционного понимания времени, обеспечивающий

новое видение хода истории, не раз становился поводом для осмысления в последние десятилетия (см.: [3–7]).

Обозначенная Бахтиным еще на рубеже 1930–1940-х годов идея «большого времени» опосредованно присутствует в рукописи о Рабле и различных дополнениях к ней, а в конце 1960-х, по верному наблюдению Л.А. Гоготышвили, комментатора «Рабочих записей»⁵, входит в набор ключевых принципов бахтинской методологии гуманитарных наук, формулируемых им в заметках этого периода. «Контексты понимания. Проблема далеких контекстов. Нескончаемое обновление смыслов во все новых контекстах. “Малое время” (современность, ближайшее прошлое и предвидимое (желаемое) будущее) и “большое время” – бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает»⁶, – размышляет поздний Бахтин в характерном для него жанре наброска.

Добавим, что подобная интерпретация категории «большое время» у позднего Бахтина тесно связана с тем, что И.Л. Попова назвала «терминологическим кластером», формирующимся в 1930-е годы («большое время», «большая память» и др.) [7]. Также отметим, что наиболее близким «большому времени» оказывается понятие «большой опыт», так и не сложившееся в самостоятельную категорию бахтинского тезауруса. Однако во фрагменте середины 1940-х «К вопросам самосознания и самооценки...» оно фактически выступает синонимом «большого времени», и, по-видимому, только широта распространения в дискурсе советской повседневности слова «опыт» в иных значениях помешали автору использовать его в дальнейшем. Модель «последнего целого», измеряющаяся «большим опытом», сосредоточивает в себе всю совокупность выработанных культурной историей человечества символов и образов, начиная с архаических, и предстает той самой культурной константой человеческого бытия, которой

⁴Бахтин М.М. Указ. соч. С. 454.

⁵Там же. С. 688.

⁶Там же. С. 433.

противопоставлена мнимая актуальность и сиюминутность сегодняшней официальной культуры, где, как известно, «у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты»⁷.

Смысл этой культурной константы обозначен Бахтиным в цитируемом ниже фрагменте с предельной полнотой и ясностью: «Интеллектуальный уют обжитого тысячелетнею мыслью мира. Система тысячелетиями слагавшихся фольклорных символов, изображавших модель последнего целого. В них – большой опыт человечества. В символах официальной культуры лишь малый опыт специфической части человечества (притом данного момента, заинтересованной в стабильности его). Для этих малых моделей, созданных на основе малого и частичного опыта, характерна специфическая прагматичность, утилитарность. Они служат схемой для практически заинтересованного действия человека, в них, действительно, практика определяет познание. Поэтому в них нарочитое утаивание, ложь, спасительные иллюзии всякого рода, простота и механичность схемы, односмысленность и односторонность оценки, однопланность и логичность (прямолинейная логичность). Они менее всего заинтересованы в истине всеобъемлющего целого (эта истина целого непрактична и бескорыстна, она безразлична к временным судьбам частного). Большой опыт заинтересован в смене больших эпох (большом становлении) и в неподвижности вечности, малый же опыт – в изменениях в пределах эпохи (в малом становлении) и во временной, относительной стабильности. Малый опыт построен на нарочитом забвении и на нарочитой неполноте. В большом опыте мир не совпадает с самим собою (не есть то, что он есть), не закрыт и не завершен. В нем – память, не имеющая границ, память, спускающаяся и уходящая в дочеловеческие глубины материи и неорганической жизни, опыт жизни миров и атомов. И история отдельного человека

начинается для этой памяти задолго до пробуждения его сознания (его сознательного я)»⁸.

Бахтин продолжает мыслить в проблемном поле рукописи о Рабле и народной смеховой культуре, расширяя ряд авторов до Шекспира, размышляя о взаимоотношениях официального и неофициального, в связи с чем «большой опыт» становится тем самым пространством сохранения и обретения культурных смыслов, функция которого позднее будет передана «большому времени»: «В каких формах и сферах культуры воплощен этот большой опыт, большая не ограниченная практикой память, бескорыстная память. Трагедия, Шекспир – в плане официальной культуры – корнями своими уходят во внеофициальные символы большого народного опыта. <...> Малый опыт, практически осмысленный и потребляющий, стремится все омертвить и овеществить, большой опыт – все оживить (во всем увидеть незавершенность и свободу, чудо и откровение). В малом опыте – один познающий (все остальное – объект познания), один свободный субъект (все остальное – мертвые вещи), один живой и незакрытый (все остальное – мертво и закрыто), один говорит (все остальное безответно молчит). В большом опыте все живо, все говорит, этот опыт глубоко и существенно диалогичен»⁹.

Эта бахтинская дихотомия «большое/малое» достигнет своего апогея в понятиях «большое» и «малое время», превращающихся в эффективный инструмент анализа рецепции самого Бахтина. Понимание/непонимание, адекватное/неадекватное прочтение идей мыслителя на том или ином этапе его рецепции вполне могут быть описаны и объяснены в данных координатах.

С этой точки зрения важны взаимоотношения Бахтина и формалистов как взаимодействие/отталкивание двух научных парадигм. В начале 1960-х, в первый свой приход к англоязычному читателю, Бахтин оказался рядом с формалистами, а фрагменты «Проблем творчества

⁷Бахтин М.М. Указ. соч. М., 2012. Т. 3. С. 15.

⁸Там же. М.: Рус. слов., 1996. Т. 5. С. 77–78.

⁹Там же. С. 78.

Достоевского» и других текстов «круга Бахтина» были представлены как своего рода завершение поисков «формальной школы». Ощущение близости Бахтина формалистам оказалось характерным не только для представлявшего его американскому читателю в своей известной антологии Л. Матейки, но и для Ц. Тодорова, Ю. Кристевой, лишь многие годы спустя сумевших определить черту, разграничивающую позицию Бахтина и его оппонентов в философско-эстетических дискуссиях 1920-х¹⁰. Именно теснота «малого времени», неопределенность контуров той части русской гуманитарной науки, которая по внутреннему содержанию противостояла все разрастающейся советской, предопределили ошибочность первоначального позиционирования Бахтина западной теорией и ее стремление рассматривать бахтинскую книгу о Рабле в том же ключе. Хотя этот союз Бахтина и формалистов в сознании западных гуманитариев сохранялся недолго, репутация Бахтина-«формалиста» у определенного круга западных исследователей, прежде всего далеких от славистики, сохранялась довольно долго и порой приводила к забавным казусам.

Впрочем, в данном случае неважно, входил ли Бахтин в западный гуманитарный мир, переживающий тяжелейший период преодоления структуралистского кризиса, поскольку именно тогда усилиями специалистов в области семиотики, лингвистики, поэтики труды ученого и его «круга» (здесь мы намеренно не вступаем в дискуссию по поводу авторства «спорных текстов», предпочитая нейтральное обозначение «круг Бахтина» [8]) прочно входят в арсенал не только западных славистов, но и других представителей так называемой теории. Хотя это понятие известно достаточно хорошо, при употреблении в русском научном дискурсе оно требует комментария.

Сошлемся на мнение Д. Каллера: «Нам внушают, что “теория” радикально изменила природу литературоведческих исследований, но тот,

кто так говорит, не подразумевает теорию литературы, систематическое описание природы литературного творчества и методов его анализа. Когда люди сетуют на то, что в наши дни в литературоведении слишком много теории, они имеют в виду не избыток систематической рефлексии о природе литературы или дискуссий, скажем, об отличительных свойствах языка литературы <...> Возможно, речь идет именно о том, что налицо обилие дискуссий о внелитературных материях, об общих вопросах, связь которых с литературой далеко не очевидна, огромное количество трудных для восприятия психоаналитических, политических и философских текстов. Теория – это совокупность имен, по большей части иностранных...» [9, с. 7–8].

Обращение к Д. Каллеру обусловлено и тем, что в его небольшой книге четко обозначается место Бахтина в современной литературной теории: «Непостижимость теории – вот главная причина ее неприятия. Каким бы подготовленным вы себя ни считали, вы не можете знать наверняка, “необходимо” ли вам читать Жана Бодрийяра, Михаила Бахтина, Вальтера Беньямина, Элен Сиксу, К.Л.Р. Джеймса, Мелани Кляйн, Юлию Кристеву, или же вы можете “безболезненно” забыть об их существовании (разумеется, это будет зависеть от того, кто “вы” такой и кем хотели бы быть)» [9, с. 21–22].

Примечательно, что для Д. Каллера важнейшим теоретико-литературным достижением Бахтина является открытие полифоничности романа. Именно о полифоничности как почти универсальной характеристике романного жанра говорит ученый: «Повествователь может обладать собственным языком, на котором описываются все происходящие события, но может и перенять чужой язык. Произведение, автор которого смотрит на мир сквозь призму детского сознания, может передавать детское восприятие взрослым языком, а может использовать собственно детский язык. Михаил Бахтин описывает роман как полифоническую

¹⁰Осовский О.Е. Рец. на кн.: *The Bakhtin Circle. In the Master's Absence* / ed. by C. Brandist, G. Tikhanov, D. Shepherd. Manchester; N. Y.: Manchester Univ. Press, 2004. 286 p. // *Вопр. лит.* 2005. № 4. С. 368–369.

(многоголосую) или диалогическую конструкцию: сущность романа состоит в том, что в нем сопоставлены различные голоса (дискурсы); таким образом, возникает возможность показать в столкновении различные общественные позиции» [9, с. 99].

На наш взгляд, Д. Каллер куда более убедителен в своей интерпретации бахтинской позиции, чем пытающийся возражать ему анонимный комментатор: «Д. Каллер экстраполирует здесь суждение М.М. Бахтина о полифоничности романов Ф.М. Достоевского на сущность жанра романа вообще, хотя это противоречит концепции Бахтина. Ученый противопоставил романы Достоевского распространенному в литературе монологическому типу романа, где истинной и авторитетной является только одна точка зрения, а именно та, которая принадлежит автору. Напротив, в романах Достоевского истина рождается в результате диалога сознаний, или равноправных точек зрения, принадлежащих персонажам» [9, с. 99]. Каллеровская характеристика легко проецируется и на романную теорию Бахтина в целом, и на существование романа как особого жанра, фактически четвертого рода, добавляемого к аристотелевской триаде Новым и Новейшим временем.

За полтора десятка лет до Д. Каллера крупнейший британский теоретик литературы марксистской ориентации Т. Иглтон особо подчеркивал значимость противостояния Бахтина формалистскому и структуралистскому восприятию языка, важность бахтинского восприятия языка как социального феномена, что казалось существенным для развития социокультурного понимания языка в 1970–1980-е годы. Для Т. Иглтона в его общей конфигурации марксистской теории социальная функция языка гораздо более интересна, чем привлекающая Д. Каллера проблема полифоничности романа, из чего и вытекает главная для Т. Иглтона заслуга Бахтина: «Одним из самых известных критиков сосюрловской лингвистики был русский философ и теоретик литературы Михаил Бахтин, который под именем своего коллеги В.Н. Волошинова опубликовал в 1929 г. новаторскую работу,

озаглавленную “Марксизм и философия языка”. Бахтину мы обязаны также самой убедительной до сих пор критикой русского формализма – в работе “Формальный метод в литературоведении”, опубликованной под именем П.Н. Медведова в 1928 году. Остро выступая против сосюрловской “объективистской” лингвистики, но критикуя также и “субъективистские” альтернативы, Бахтин переводит внимание с абстрактной системы языка к конкретным высказываниям в определенном социальном контексте» [10, с. 147–148].

Не менее важной для Т. Иглтона оказалась роль бахтинской теории как основания для возможного поворота постструктуралистских поисков в сторону все той же социальности: «В то же время возрождение интереса к работам русского теоретика Михаила Бахтина, по поводу которого в конце 80-х вступила в бой тяжелая артиллерия “индустрии критики”, обещало вписать текстуральные, телесные и дискурсивные интересы постструктурализма в широкую историческую, материалистическую или социологическую перспективу» [10, с. 271–272].

Конечно, в силу собственных идеологических пристрастий и определенной конъюнктуры Т. Иглтон конструирует Бахтина-марксиста, отчего многое из его теоретического багажа, включая теорию смеховой культуры, остается за пределами читательского внимания. Для большинства же западных исследователей, занимавшихся Бахтиным в 1960–1990-е, характерен иной подход: поиск и акцентуация ключевого термина, превращающегося в своего рода характеристику-символ всей совокупности бахтинских идей или той их части, которая привлекает интерпретатора. Таковы статьи «Бахтин, слово, диалог и роман» Ю. Кристевой (1967), «К проблеме диалогического понимания» Г.Р. Яусса (1982), книги «Диалогический принцип» Ц. Тодорова (1981), «Границы жанра» Г.С. Морсона (1982), «Диалогизм: Бахтин и его мир» М. Холквиста (1990), «Михаил Бахтин: создание прозаики» Г.С. Морсона и К. Эмерсон (1990) и др.

Одним из примеров полемического осмысления и освоения ключевых бахтинских терминов

становится статья Р. Уэллека «Бахтин о Достоевском: полифония и карнавальность». Как ни странно, эта работа одного из крупнейших американских компаративистов, теоретиков литературы и специалистов по Достоевскому оказалась на периферии внимания бахтинского сообщества, хотя содержащаяся в ней трактовка двух бахтинских терминов примечательна. Не менее примечательна и фигура самого Р. Уэллека, младшего представителя Пражского лингвистического кружка, по определению являющегося наследником русских формалистов. Тем в целом важнее объективная оценка им значимости бахтинских идей и та логика, в которой Р. Уэллек пытается противостоять бахтинскому взгляду.

Подчеркнем, что статья публикуется в первом выпуске посвященного творчеству Достоевского ежегодника и, казалось бы, основной акцент должен быть сделан именно на бахтинском подходе к творчеству великого писателя, но этого не происходит, поскольку для Р. Уэллека, оказывающегося среди немногих сведущих, уже ясны и масштаб теоретика литературы, и его особое место в интеллектуально-философской истории XX века: «Книга Михаила Бахтина “Проблемы творчества Достоевского” (1929), в значительно переработанном и расширенном втором издании получившая название “Проблемы поэтики Достоевского” (1963), по праву считается одной из самых стимулирующих и оригинальных в огромной литературе о Достоевском, — так автор начинает статью. — В ней ставится центральная литературоведческая проблема — задается вопрос, в чем и как Достоевский отличается от других романистов. В книге Бахтина ничего не говорится ни о биографии писателя, почти не затрагиваются идейное содержание его произведений или самой эпохи. Он целенаправленно сосредоточивается на нескольких проблемах: на роли героя в романах Достоевского, на способах представления идей в романах, на жанровой традиции, к которой его, как правило, причисляют или влияние которой он испытывал, и, наконец, на особом использовании языка и диалога в романе» [11, р. 32].

Р. Уэллек, уже распрощавшийся со своим формалистско-структуралистским прошлым, четко позиционирует Бахтина как антиформалиста. На это следует обратить особое внимание, поскольку, определяя Бахтина как теоретика литературы, полемизирующего с «формальной школой», Р. Уэллек исходит из содержания сборника «Вопросы литературы и эстетики» (1975), уже появившегося во французском переводе (1978), но еще не известного англоязычному читателю, и в вопросе о «спорных текстах» ориентируется на позицию Р. Якобсона, к этому времени окончательно признающего авторский приоритет Бахтина (см.: [12]).

«Еще в 1924 году Бахтин отверг подход российских формалистов как “материальную эстетику”, и в “Формальном методе в литературоведении” Павла Медведева (1928), автором или, как минимум, основным соавтором которого предположительно был Бахтин, мы находим резкую критику ранних формалистов с позиции внешне кажущейся марксистской, но по сути являющейся феноменологической в своем отказе от механистических представлений раннего формализма» [11, р. 32]. Подобная характеристика дает Р. Уэллеку возможность встроить корпус бахтинских идей в актуальное проблемное поле современных поисков теории литературы и семиотики, отчасти постструктуралистской поэтики, т. е. попытаться заполнить лакуны, образовавшиеся в американской теории с момента кризиса структурализма: «Преимущественно уже после смерти Бахтин обретает значительную известность как теоретик литературы и один из основоположников семиотики. Сегодня он считается автором книги Валентина Волошинова “Марксизм и философия языка” (1929). “Формальный метод” Медведева также вдохновлен им, хотя точная доля его участия остается предметом спора» [11, р. 32].

Добавление в этот список бахтинской книги о Рабле (1965) и упоминавшихся уже «Вопросов литературы и эстетики» позволили Р. Уэллеку представить читателю фигуру ученого международного масштаба. Тем убедительнее, по-видимому, должна восприниматься

разворачивающаяся далее полемика с Бахтиным. В целом высоко оценивая книгу о Достоевском, исследователь категорически отказывается признать бахтинскую идею полифонии и предлагает набор контраргументов, в значительной степени совпадающих с тем, о чем уже говорили, не соглашаясь с Бахтиным, его многочисленные оппоненты в России и на Западе. Фактически Р. Уэллек не в состоянии преодолеть свой исконный формализм и его аргументация исходит из представления о романе Достоевского как о жесткой структуре с механической последовательностью голосов: «Достоевский, вероятно, пошел дальше, чем кто-либо, кого я могу вспомнить из его предшественников, в создании в романах сцен диалогов, в передаче разговоров и споров между тремя и более персонажами. Никто не станет возражать против богатства, насыщенности и множественности спорящих друг с другом голосов. Он отражает тенденцию к драматизации романа...» [11, р. 33].

Не вдаваясь в подробности, напомним, что Бахтин не считал определение романа Достоевского как «романа-трагедии», данное Вяч. И. Ивановым, исчерпывающим и полагал драматизацию романного повествования только частью романного полифонизма. В этом смысле он шел дальше, чем упоминаемый Р. Уэллеком П. Лаббок с его «искусством прозы», а многоголосье Достоевского оказывалось далеко не тождественно тому, что происходило в приводимых Р. Уэллеком романах Г. Джеймса. Хотя, согласимся, сам по себе сопоставительный анализ систем голосов в прозе Достоевского и автора «Женского портрета» был бы весьма познавательным с точки зрения внутренних возможностей нарратива во второй половине XIX века.

Еще более радикальной, а отчасти даже искусственной кажется Р. Уэллеку обнаруженная Бахтиным у Достоевского «карнаваль-

ность». Ему недостаточно прослеживаемой ученым внутренней связи отдельных произведений писателя с почти фольклорным материалом античности и средневековья, а выявленные Бахтиным элементы менипповой сатиры и сократического диалога, традиции Лукиана и Апулея его не убеждают. Признавая всю масштабность бахтинской конструкции под названием «карнавальность», американский исследователь предпочитает все же более традиционные подходы к пониманию творчества создателя «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых», хотя и согласен с тем, как свидетельствует представленный в статье вывод, что подход Бахтина дает основания по-новому взглянуть и на романное многоголосие Достоевского, и на генетическую связь его произведений с античными и средневековыми жанрами.

Несмотря на возражения Р. Уэллека, само его обращение к ключевым терминам Бахтина стало свидетельством характерной для западной теории «работы с понятиями», т. е. зарождающегося и формирующегося в течение последующих десятилетий «бахтинского тезауруса». На этом пути были несомненные достижения, в т. ч. и попытки конструирования новых терминов, отражающих вклад Бахтина в теорию (прежде всего «прозаика» Г.С. Морсона и К. Эмерсон). Нельзя не упомянуть опыты составления «бахтинских тезаурусов» с краткой расшифровкой включенных в них терминов в сборнике «Бахтин и теория культуры» [13] или книге К. Брендиста «Круг Бахтина» [14]. Последние публикации и выступления ведущих западных бахтиноведов на международных форумах свидетельствуют о том, что задача комплексного описания бахтинской терминологии ощущается как все более актуальная, а ее реализация оказывается в числе исследовательских приоритетов [15–17].

Список литературы

1. Осовский О.Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М.М. Бахтина. Саранск: [Б. и.], 1997. 192 с.
2. Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М. Бахтина и современность). Саранск: РИК «Трио», 1993. 144 с.
3. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 175 s.
4. Brandist C. Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents // *Bakhtiniana, Rev. Estud. Discurso*. 2016. Vol. 11, № 1. P. 17–38.
5. Shepherd D. A Feeling for History? Bakhtin and 'The Problem of *Great Time*' // *SEER*. 2006. Vol. 84, № 1. P. 32–51.
6. Tihanov G. Mikhail Bakhtin: Multiple Discoveries and Cultural Transfers // *Wien. Sawistischer Alm.* 2010. Vol. 78. P. 45–58.
7. Попова И.Л. Проблема памяти и забвения: М.М. Бахтин о механизмах сохранения/стирания следов традиции в истории культуры // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 73–90.
8. Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2003. 147 с.
9. Каллер Д. Теория литературы: краткое введение. М.: Астрель: АСТ, 2006. 158 с.
10. Илтон Т. Теория литературы: Введение. М.: Территория будущего, 2010. 296 с.
11. Wellek R. Bakhtin's View of Dostoevsky: "Polyphony" and "Carnavalesque" // *Dostoevsky Stud.* 1980. Vol. 1. P. 32–39.
12. Махлин В.Л. Наследие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине // *Вопр. лит.* 2016. № 6. С. 94–108.
13. *Bakhtin and Cultural Theory* / ed. by K. Hirschkop, D. Shepherd. Manchester: Manchester Univ. Press, 2001. 276 p.
14. Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London: Pluto Press, 2002. 221 p.
15. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // *Регионология*. 2018. Т. 26, № 1. С. 179–183.
16. Эмерсон К. Пережив темноту сталинской ночи, Михаил Бахтин вновь размышляет о формализме // *Verba volant, scripta manent. Фестшрифт к 50-летию Игоря Пильшикова: зб. Матице српске за славистику 92 / ред.-сост. Н. Поселягин, М. Трунин. Нови Сад, 2017. С. 39–56.*
17. Emerson C. On Mikhail Bakhtin and Human Studies (with Continual Reference to Moscow and Sheffield). URL: <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1321437> (дата обращения: 28.05.2018).

References

1. Osovskiy O.E. *Dialog v bol'shom vremeni: literaturovedcheskaya kontseptsiya M.M. Bakhtina* [A Dialogue About *Great Time: Mikhail Bakhtin's Literary Concept*]. Saransk, 1997. 192 p.
2. Osovskiy O.E. *Chelovek. Slovo. Roman: (Nauchnoe nasledie M.M. Bakhtina i sovremennost')* [Man. Word. Novel: (The Academic Heritage of M.M. Bakhtin and the Present)]. Saransk, 1993. 144 p.
3. Makhlin V.L. *Bol'shoe vremya: Podstupy k myshleniyu M.M. Bakhtina* [*Great Time: Approaches to M.M. Bakhtin's Thinking*]. Siedlce, 2015. 175 p.
4. Brandist C. Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents. *Bakhtiniana, Rev. Estud. Discurso*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 17–38.
5. Shepherd D. A Feeling for History? Bakhtin and 'The Problem of *Great Time*'. *SEER*, 2006, vol. 84, no. 1, pp. 32–51.
6. Tihanov G. Mikhail Bakhtin: Multiple Discoveries and Cultural Transfers. *Wien. Sawistischer Alm.*, 2010, vol. 78, pp. 45–58.
7. Popova I.L. Problema pamyati i zabveniya: M.M. Bakhtin o mekhanizмах sokhraneniya/stiraniya sledov traditsii v istorii kul'tury [The Problem of Memory and Oblivion: Bakhtin's Mechanisms of Saving/Erasing Traces of Tradition in Cultural History]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 73–90.
8. Osovskiy O.E. *V zerkale "drugogo": retseptsiya nauchnogo naslediya M.M. Bakhtina v anglo-amerikanskom literaturovedenii 1960-kh – sere diny 1990-kh godov* [In the Mirror of the *Other: Reception of Mikhail Bakhtin's Academic Heritage in Anglo-American Literary Studies of the 1960s – Mid-1990s*]. Saransk, 2003. 147 p.
9. Culler J. *Literary Theory: A Very Short Introduction*. Oxford, 1997. 145 p. (Russ. ed.: Kaller D. *Teoriya literatury: kratkoe vvedenie*. Moscow, 2006. 158 p.).

10. Eagleton T. *Literary Theory: An Introduction*. Blackwell, 1996 (Russ. ed.: Iglton T. *Teoriya literatury: Vvedenie*. Moscow, 2010. 296 p.).
11. Wellek R. Bakhtin's View of Dostoevsky: "Polyphony" and "Carnavalesque". *Dostoevsky Stud.*, 1980, vol. 1, pp. 32–39.
12. Makhlin V.L. Nasledie i retseptsiya, ili R. Yakobson o M. Bakhtine [Heritage and Reception, or R. Jacobson on M. Bakhtin]. *Voprosy literatury*, 2016, no. 6, pp. 94–108.
13. Hirschkop K., Shepherd D. (eds.). *Bakhtin and Cultural Theory*. Manchester, 2001. 276 p.
14. Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London, 2002. 221 p.
15. Dubrovskaya S.A. Mezhdunarodnaya Bakhtinskaya konferentsiya v Shankhae [International Bakhtin Conference in Shanghai]. *Regionologiya*, 2018, vol. 26, no. 1, pp. 179–183.
16. Emerson C. Perezhiv temnotu stalinskoy nochi, Mikhail Bakhtin vnov' razmyshlyaet o formalizme [Having Survived the Stalinist Night, Mikhail Bakhtin Again Contemplates the Formalists]. Poselyagin N., Trunin M. (eds.). *Verba volant, scripta manent. Festschrift k 50-letiyu Igorya Pil'shchikova* [Verba volant, scripta manent: Festschrift to the 50th Birthday Anniversary of Igor Pilshchikov]. Novi Sad, 2017, pp. 39–56.
17. Emerson S. *On Mikhail Bakhtin and Human Studies (with Continual Reference to Moscow and Sheffield)*. Available at: <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1321437> (accessed 28 May 2018).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.53

Oleg Ye. Osovskiy

National Research Ogarev Mordovia State University;
ul. Bol'shevistskaya 68, 430005, Saransk, Respublika Mordoviya, Russian Federation;
e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

BEYOND THE "LITTLE WORLD": MIKHAIL BAKHTIN AND MODERN WESTERN THEORY

This article dwells on the reception of Mikhail Bakhtin's key ideas and concepts by Western theory from the second half of the 1960s to the 2010s. The paper aimed to describe the special features of this process and its impact on the state of the humanities in general and literary criticism in particular. The most important tool of this analysis is Bakhtin's concept of "great time". Its context allows us to form a canonical list of names and ideas that ensures the universalization of meanings of literary and cultural values in their historical evolution. The paper emphasizes the importance of not only seeing in "great time" the periods and peculiarities of reception of Bakhtin's legacy by the Western humanities, but also considering Bakhtin's key ideas. In his later notes, Bakhtin accentuates the complex nature of the development of modern literary criticism in the general context of the history of culture. Looking at the history of literature and culture from the viewpoint of "great time" (much due to A. Veselovsky and his *Historical Poetics*) he declares the necessity of crossing the boundaries of the "little world" created by the 19th-century literary scholarship and reveals a tendency to avoid big problems in modern literary criticism. The introduction of Bakhtin's ideas into modern Western theory helped the humanities to overcome the structuralist crisis and adopt the anthropocentric vector of Bakhtin's theory. The works by J. Kristeva, T. Todorov, R. Wellek, M. Holquist, K. Clark, C. Emerson, G.S. Morson, and others demonstrate the evolution of Bakhtin's reception: first as the author of groundbreaking books on Dostoevsky and Rabelais, then as a leading literary theorist and original philosopher of language and, finally, as the creator of one of the most significant philosophical and aesthetic concepts of the 20th century.

Keywords: *Mikhail Bakhtin, Western theory, Western humanities, intellectual revolution, "great time", polyphony, carnivalesque.*

Поступила: 14.06.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 14 June 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Osovskiy O.E. Beyond the "Little World": Mikhail Bakhtin and Modern Western Theory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 53–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.53